

ВИКТОР КРИКУНОВ

«БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Гангут
Санкт-Петербург 2021

Виктор Степанович Крикунов

Белый лебедь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69864175

Белый лебедь / Виктор Крикунов: Гангут; Санкт-Петербург; 2021

Аннотация

В этой книге я хочу Вас познакомить с такой стороной жизни, которую образно называю «обратная сторона Луны». А если перевести на современный язык и сказать более упрощённо, то «места не столь отдалённые», то есть тюрьмы, зоны и пересылки. Следует отметить, что народное изречение «места не столь отдалённые» совершенно не соответствует действительности. На самом деле это очень закрытый мир; это специфическая система, в которую обычному человеку проникнуть очень сложно. Почти так же, как полететь в космос. Хотя при желании можно попасть, если переступить границу декалога, то есть закона.

Содержание

Предисловие	5
Белый лебедь	8
Первая часть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виктор Крикунов

Белый лебедь

© Виктор Крикунов, 2021

© Оформление. ООО «Издательство Гангут», 2023

Предисловие

Уважаемый читатель в этой книге я хочу Вас познакомить с такой стороной жизни, которую образно называю «обратная сторона Луны». А если перевести на современный язык и сказать более упрощённо, то «места не столь отдалённые», то есть тюрьмы, зоны и пересылки. Следует отметить, что народное изречение «места не столь отдалённые» совершенно не соответствует действительности. На самом деле это очень закрытый мир; это специфическая система, в которую обычному человеку проникнуть очень сложно. Почти так же, как полететь в космос. Хотя при желании можно попасть, если переступить границу декалога, то есть закона.

Я, авантюрист и любитель неизведанных ощущений, окунулся в этот закрытый от обычных людей мир в 1979 году. А вышел, лучше сказать прилетел, из этого «космоса» в 1999 году.

Вся моя сознательная жизнь, и лучшие годы жизни, были отданы этой системе.

Естественно, прошлое не изменить, и будущее тоже не в нашей власти. «Есть только миг между прошлым и будущим, и именно он называется жизнь». Слова песни из кинофильма «Земля Санникова». Меня эти слова очень сильно мотивируют: сегодня, здесь и сейчас я ещё что-то могу сделать в жизни. И в данное время я хочу поделиться историей об

одном пережитом периоде, который оставил сильный, яркий след в моей душе.

Повесть под названием «Белый лебедь» я начал писать в 1990 году, когда находился на зоне особого режима в Архангельской области, в посёлке Салт-озеро, ИТК-10. Поводом к написанию моих воспоминаний послужила статья в журнале «Смена» за июнь 1990 года одного неоперившегося корреспондента— Виталия Аркадина.

Она так сильно взволновала мою психику, что я не смог удержаться и захотел разъяснить серьёзные заблуждения автора относительно полевой пыточной тюрьмы, которую в Гулаге окрестили «Соликамский белый лебедь».

Моё исповедание состоит из двух частей. Первая была написана на зоне особого режима, после прочтения этой статьи. Вторая же часть дописана в настоящее время, когда я уже двадцать лет нахожусь на свободе. Поэтому по основным писательским характеристикам они будут сильно отличаться, прежде всего, по стилю, по эмоциям, по накалу страстей. И, конечно, по стилистике. Сохранится только исповедальный характер описываемого, честность и искренность подачи материала и, несомненно, огромное желание приоткрыть одну сторону этого закрытого мира.

Возможно, тем, кто начинает свою жизнь в криминальном мире и бредит уголовной романтикой, моё жизнеописание послужит пищей для размышлений. И самое главное, что я хочу донести до вас, уважаемый читатель: я сохранил-

ся в этом кошмарном аду только благодаря вере во Всевышнего. В которого уверовал во время своего первого побега с зоны усиленного режима. Зона эта находилась около поселка Большой Сом Пермской области.

Я знаю: только глубокая вера в Бога и ангелы хранили меня в критических смертельных ситуациях. Давали возможность подниматься, когда заканчивались мои физические и душевные силы.

Поэтому у любого человека, который находится в бермудском треугольнике Гулага, есть шанс получить настоящую свободу через веру в Иисуса Христа. Так как только благодаря своей вере во Всемогущего Небесного Отца я сейчас живой, здоровый и радуюсь преизбытку жизненных сил.

У меня много оптимизма, энергии, божественного света истины и желания помочь тем, кто не открыл для себя этот благодатный источник жизни. А в более упрощённом смысле есть такое изречение: «Корабль не тонет, когда он в воде. Он тонет, когда вода в нём. Не так важно, что происходит вокруг нас. Важно то, что происходит внутри нас».

С уважением к Вам, читатель.

Белый лебедь

Первая часть

Здравствуйтесь, уважаемые сотрудники редакции!

Несколько дней назад (с большим опозданием) получил ваш журнал за июнь сего года, красиво оформленный, с интересными статьями. И когда дочитал до 215 страницы, то от неожиданности был шокирован: неужели это публикация про известный в преступном мире «Белый лебедь»?

Первые же строчки достоверно убедили в этом. Но когда внимательно прочитал всю статью до конца, то я ужаснулся направленности этой статьи. Её автор перевернул всё с ног на голову. И чёрное, сатанинское, вопиющее беззаконие выдал за гуманное и светлое, достойное уважения, почестей и наград святое дело.

Первые дни я был раскалён от бешенства и злости, и только когда страсти, бушевавшие в душе, улеглись – только тогда я решился писать это письмо. До этого, правда, была одна необузданная попытка, но тот ураган и тайфун, пронёсшийся в душе – бешенства, ненависти и злости, – я не решился вам посылать, так как вам моё исповедание невозможно было бы переварить.

А вот сегодняшнее, я успокаиваю себя такой наивной ил-

люзией, вы, может быть, поймёте или хотя бы постараетесь понять. Мне бы очень хотелось, уважаемые сотрудники редакции, чтобы вы поняли его правильно, без предрассудков и шаблонного, стереотипного мышления. В ваших глазах, вероятно (я отдаю маленькую толику уверенности в вашей мудрости и человечности), преступник – это очаг зла, горя и бед. И поэтому преступников надо перевоспитывать и даже искоренять, как сорняк, пропалывая человеческие грядки, выдирая с корнем все сорняки. Если такое мнение преобладает в вашем мировоззрении, то, бесспорно, мы не поймём друг друга.

Но мне, однако, очень бы хотелось помочь вам расширить кругозор ваших взглядов и широту человеческих понятий. Не обличить вас, не заклеить и не огорчить, а просто, по-человечески постараться открыть вам другую, обратную сторону медали.

Жизнь сложна и многообразна в своём проявлении и к тому же зачастую противоречива. Подходить к ней с набором уже отобранных клише и штампов совсем нежелательно. Я пытаюсь понять, что движет вашими стремлениями, какие чувства и желания преобладают, когда вы пишете и печатаете ту или иную статью. Конкретный смысл – это аргумент в вашу пользу. И если преступник желает увидеть положительное зерно в ваших очерках, то снизойдите до моего откровения и постарайтесь непредвзято увидеть направленность моей исповеди. Я не стремлюсь осыпать обвинени-

ями, по всей видимости, ещё молодого и неопытного корреспондента – Виталия Аркадина. И заранее прошу у него прощения за неприятные для его самолюбия слова. Пусть не сгорит от желания найти во мне изъяны. Я свои достоинства и недостатки знаю очень хорошо. И мне бы хотелось пообщаться с вами, уважаемые, находясь в одной весовой категории (сие сравнение означает «на равных»). Отбросьте на время тавро, которым меня заклеили 11 лет назад. В данное время я особо опасный рецидивист, имеющий 5 судимостей за всевозможные преступления, среди которых есть и особо тяжкие. Постарайтесь, уважаемые, вникнуть в мои слова и в изначальную сущность понятий, для которых все равны перед Богом: господин и раб, честный, законопослушный гражданин-труженик и разбойник. Совесть, как говорил французский богослов Пьер Абеляр, наш главный и неподкупный судья, поэтому, уважаемые сотрудники редакции, давайте сразу договоримся: оценивать мои аргументы в доказательство своей правоты в высшей инстанции – на суду вашей совести и ваших человеческих понятий.

Прежде всего я хочу, чтобы вы согласились с тем, что преступность есть следствие, а причины её лежат глубже. На перекате видны буруны, а камни изредка торчат из воды. Так и в нашей жизни: преступность – это всего лишь видимая часть глубинных проблем. Учёные трактуют преступность таким образом: «Преступность – это нормальное поведение нормальных людей в ненормальных условиях обитания».

Поэтому, чтобы искоренить преступность, прежде всего нужно искоренить ненормальные условия жизни.

Это, уважаемые, всего лишь поверхностный взгляд на аномалию человеческой жизни. А если заглянуть глубже, то, вспомнив парадокс Нильса Бора: «Если верны положительные понятия, то так же верны и им противоположные», – мы можем прийти к другому выводу. А для примера вот несколько положительных противоположностей: бедность – богатство, счастье – горе, жизнь – смерть, материя – дух, прилив – отлив, дружба – вражда, ночь – день и т. д. Следовательно, для того чтобы что-либо ощутить как реальность, нужно иметь её противоположность. Бедность не будет осознаваться, если мы не будем видеть богатство. Равно как и всё остальное. Разумеется, таким простым примером я подвёл вас к сложному пониманию, касающемуся нашей темы.

Преступность – это явление не случайное, а один из законов космического (вселенского) развития. И если искоренится один вид преступности, то его обязательно будет замещать видоизменённый другой. Также будет существовать, как и борьба с болезнями: только нашли противоядие, лекарство и вакцину против одного заболевания – тут же появилось другое, ещё более сложное. Выходит, по моей логике, бессмысленна война с преступностью? Нет, конечно, её существование несёт в себе, скорее всего, какой-то высший смысл, пока ещё неосознанный человеческим разумом. Может быть, сохранение души?! Тут не мне, конечно, давать

ответ на этот философский и сакраментальный вопрос.

А теперь после короткого вступления я постараюсь «разбомбить» очерк Виталия с позиции своих взглядов и убеждений. Статья, естественно, не могла бесследно раствориться в космической дали подсознания. Она для меня оказалась, как красный плащ в руках тореадора для быка. Я разъярённый, с кровью налитыми глазами, прыгал по камере, исторгая злобные рыки, но, слава Богу, не было никого из противников. Но я Виталию не пожелал бы в тот миг находиться со мной в опасной близости. Разряды молний могли его поразить. Конечно, в физическом плане я его, без сомнения, не тронул бы. Я уважаю личность, и если человек заблуждается, то нужно тактично найти веские доводы и это ему объяснить. Просто мои слова могли быть очень агрессивными, и они, как вы видите, даже с течением времени не потеряли той окраски. Но насколько были бы доходчивыми мои объяснения – вот об этом я не берусь судить. И сейчас перед вами будет изложение инакомыслящего, но вы, представители свободного мира, не спешите бросать в меня камни упрёков и гнева, а также не торопитесь выселять куда подальше, как делали в нашем государстве в известные времена с диссидентами.

Я, уважаемые сотрудники редакции, хочу показать картину о «Белом лебеде» более объективно, чем сделал её автор статьи.

И мне очень жаль, поверьте моей искренности, что Ви-

талий Аркадин в период «гласности» (пока ещё до настоящей, без кавычек, очень далеко), а также во времена начавшейся в сознании миллионов сограждан переоценки социалистической системы не сумел разглядеть сущность отвратительного явления и написал целую оду в защиту нестандартных методов перевоспитания (обратите самое пристальное внимание!) неисправимых преступников. Однако я допускаю мысль, что генералу начальнику управления «Усольеспецлес», садисту и преступнику, захотелось известности и славы. В нашем обществе это стремление не ново и совсем не удивительно.

Но досадно, что ваш журнал стал рупором и рекламой бесчеловечности и беззакония.

Мне хотелось бы вас спросить вот о чем: почему вы довели командировку такому неопытному корреспонденту?

Ведь вопрос о методах воспитания, а тем более перевоспитания – это очень сложный вопрос, многогранный и противоречивый.

Возможно, Виталий Аркадин – честный и беспристрастный человек? Мне совсем не хочется думать о его профессиональных качествах и, естественно, человеческих очень плохо, но, извините меня, его статья получилась совершенно чудовищной по своей идее и содержанию.

Конечно, вам будет трудно понять мои обвинения в предвзятости и субъективности этого тенденциозного материала. Разве можно понять сущность явления, окинув всё поверх-

ностным, обывательским взглядом? И с такой позиции я Виталия понимаю. Конечно, ему было трудно объективно разобраться во всём, так как фасад «Белого лебедя» и прилегающей к пересылке зоны № 6 выглядит вполне респектабельно: кругом чистота, уют, тишина, цветочки, интерьер, выполненный руками осужденных, – все это выглядит просто замечательно, великолепно и оригинально.

Красочный слой лакировки ослепляет и ошеломляет несведущих и попавших туда в виде праздношатающихся туристов.

Пусть Виталий воспримет мои слова не как попытку оскорбить его, а как желание задеть его сознание, честолюбие и профессиональную гордость. И, конечно же, уважаемые сотрудники, разжечь у него стремление к глубине анализа, к познанию действительности не только с парадного входа, к объективности и справедливости. И ещё, что я чуть было не упустил, – к Истине, к этой благородной, но, к огромному сожалению, пока недоступной ему даме. Виталий, бесспорно, не сумел понять главного. Можно горько сожалеть по этому поводу, так как ваш журнал читает народ. И, вероятно, принимает эту публикацию за правду.

Что говорить о народе, когда моя родная сестра, зная о моей склонности говорить искренне, слушая мои клятвы самыми дорогими мне людьми – покойной матерью и ныне здравствующей любимой племянницей – о творимых там беззакониях, мне не верила. «Не может такого быть, просто неве-

роятно в наше время», – безапелляционно твердила она. А что тогда говорить о народе? Поэтому помолчим за народ. Однако я не теряю надежды донести до вас незначительную, крохотную частицу своего понимания действительности. Несомненно, в моей исповеди будет больше обвинительного уклона, и поэтому я хочу заранее предупредить: я отлично знаю и понимаю положительные и отрицательные стороны пенитенциарной системы, но у меня сегодня не философский трактат, а всего лишь анализ статьи Виталия Аркадина. У него не было оппонента перед написанием этого опуса, теперь появился, но, увы, с большим опозданием. Но, может быть, в будущем Виталий будет осторожнее и бережнее в своих оценках очень сложных вопросов.

Виталий, как мне кажется, сумел закрутить сюжет. Почти детектив получился в стиле Чандлера. И к тому же он проявил себя детективом. Это, конечно, очень тонкая мысль, но вы постарайтесь ухватить её в своём сознании. А чтобы вам было понятно, я разъясню свою аналогию. Виталий выглядит суперменом-детективом, который в одиночку проник на поле сражения двух противоборствующих систем. Был на самом острие, в самом центре кровавой баталии, сметающей и уничтожающей людей (пусть они и заслуживают клейма преступников). Оказался в эпицентре этого тайфуна и вышел, как вы видите, целым и невредимым, да ещё стал известным. А для вас он действительно супермен. Вы, наверное, между делом интересовались положением в «Белом лебеде» для

себя, и он вам рассказал много историй. Это, конечно, моё предположение чисто интуитивное и основанное на знании психологии. В этом я могу и ошибаться, но в том, что финал статьи – хеппи-энд, в этом со мной согласитесь и вы.

Я, однако, его прилично разочарую, и пусть переосмыслит хотя бы свой взгляд.

Виталий, без сомнения, создал красивый воздушный замок в своём художественном воображении и запечатлел его выразительными словами, но этот замок развалится, как карточный домик, от жестокой действительности.

Так вот, уважаемые сотрудники редакции, начну, пожалуй, разбор статьи по конкретным фактам.

Виталий написал, что некоторые осуждённые, возможно, считают «Белый лебедь» «чуть ли не застенком». Без всяких «чуть ли»!

Самый настоящий садистский застенок!

Но понимают это, к огорчению, только те, кто там побывал. Жаль одного, что Виталий там был только как корреспондент, а вот если бы он недельки две-три побывал там в шкуре заключённого, брошенного на перевоспитание, то, поверьте мне, он написал бы совсем другую статью – кардинально противоположную.

Я, конечно, не желаю ему зла, но для полноты и всестороннего изучения темы Виталию не хватило именно этого. Конечно, я не писатель, но моё письмо-исповедь прочитают (хотелось бы верить) в вашей редакции. Может быть, кто-то

засомневается в правдивости моих откровений. Может быть, кто-то из вас с презрением и гневом бросит такие слова: да кому верить – это же особо опасный рецидивист? Без чести и совести, без отца и матери, без родины и флага. Такие, как он, мать родную продадут за бутылку водки и т. д., и т. п.

Так вот, сразу же замолвлю за себя словечко. Во-первых, я сторонник ЗОЖ. Во-вторых, за своих близких и любимых отдам жизнь, не задумываясь. За простой, честный народ, если их будет приличное количество, тоже бы отдал. И вообще, мой моральный, нравственный и духовный портрет будет разительно отличаться от созданного писательской и актёрской деятельностью, а также, ко всему прочему, доморощенными советскими идеологами. И даже удивительно: я ещё сохранил благородство и честь. А эти высокие понятия означают, на мой взгляд, способность на добро отвечать только добром, на зло, если это допустимо, не отвечать злом. Быть честным, искренним, стремиться к самосовершенствованию и ко многим проявлениям человечности.

Конечно, мне далеко до идеала, но главное – есть стремление к нему. Вероятно, вы усмехнётесь на мои претензии быть благородной личностью? Надеюсь, вы понимаете, что от саморекламы ещё никто не умирал. И это, скорее всего, неосознанная попытка навязать вам имидж благородного разбойника. Этот вариант уже многократно практикуется среди современных преступников. И в истории примеров достаточно. Например, Робин Гуд. Принимайте отступление от темы,

как вам будет угодно. Это ваше личное дело. А вот такую мою просьбу постарайтесь, глубокоуважаемые, принять серьёзно: я прошу поверить моим словам, которые несут информацию не для того, чтобы очернить действительность, а чтобы просто показать противоположный взгляд на одну и ту же проблему. Хотя нужно критически охарактеризовать и свою личность. То, что я сейчас имею такое позорное клеймо, имеет под собой серьёзную платформу. Начинать свой путь в преступном мире как дилетант и любитель приключений, острых ощущений и авантур, а за долгие годы выпестовался в этой системе в матёрого волчару. Так как стоит человеку создать невыносимые условия и обстоятельства, а также вдобавок определённую форму раздражения, то на это он отреагирует в любом случае аналогично.

Собаку травить – она укусит. А если у человека характер сложился намного раньше, чем он попал в криминальную среду, то никакой системой его не сломать и не перевоспитать. Его можно сохранить и изменить только добром, участием, милосердием, гуманностью и справедливым отношением.

В общем, для полного автопортрета я сделал небольшой набросок. За 11 лет советских концлагерей и тюрем я сформировался в законченного особо опасного преступника.

Есть честь, совесть, искренность и даже благородство, но есть и огромная тяга совершать дерзкие преступления. Допустим, разбойные нападения на подпольных миллионеров.

Конечно, я не Остап Бендер, и изошряться в собирании досье на типичных Корейко, а после просить по-джентельменски поделиться я не смог бы. Я уверен, что намного проще забрать у них силой всё украденное у народа. Теперь вы поняли, что я далеко не ангел. Но всё же я хотел бы, чтобы вы убедились, что стал я им не во времена занятий профессиональным спортом, а во времена перевоспитания нестандартными методами генерала Сныщерева. А теперь с долгим экскурсом в прошлое и с выписыванием характера оппонента мы, конечно, сойдёмся в словесной дуэли в споре за Истину, а кому достанется эта Прекрасная Дама, решать вам, уважаемые, и желательно справедливо.

Так вот, к барьеру – призываю я Виталия Аркадина. Его выстрел в журнале не был холостым. Он попал мне в душу. Моё сердце затрепыхалось, как птица в силках. Он меня больно ранил, но я всё же собрался с силами и с духом и начал прицеливаться с ответным выстрелом. Цель в моих глазах двоится, троится и даже разбегается в разные стороны. Их оказалось очень много. Прилично накопилось в прошлом отрицательных впечатлений, эмоций и чувств, и поэтому мне очень трудно сохранять спокойствие, хладнокровие и выдержку, но для попадания в ваше сознание мне крайне необходима выдержка. Вот почему я нахожу силы и стараюсь сосредоточиться и не дать страстям, бушевавшим от прочтения статьи, вылиться в мою исповедь. Так вот, уважаемые (извините, за такую фамильярность обращения), при-

чина моего возмущения и моего письма-откровения такова: я (всего лишь) два раза по полгода прошёл (1981-й и 1982 год) воспитание в этом прекрасном и незабываемом «Белом лебеде».

И, естественно, все нестандартные и нетрадиционные методы изучил и прочувствовал на своей шкуре. И оказалось: этого было предостаточно, чтобы можно было понять, что Вами, Виталий, было написано объективно и справедливо, а что подлежит повторному изучению и исправлению хотя бы в Вашем сознании. Я был бы рад, если Вы не впадёте в амбицию и постараетесь меня понять.

Конечно, уважаемые сотрудники, это письмо не подтолкнёт вас к действию. Вы поговорите между собой и успокоитесь. Я не великий предсказатель Нострадамус, но такой печальный итог предвижу превосходно. Но даже для этого я затрачиваю уйму драгоценного времени и упорно пишу воспоминания, а заодно и критику на опубликованный материал. Верю в то, что среди забот, бед, печали, радости, суеты и повседневной текучки моё письмо вряд ли оставит вас равнодушными и безразличными. А, следовательно, в будущем при поездках за сбором материала для журнала вы постараетесь быть внимательнее и мудрее. Конечно, вам будет трудно найти время для разбора и проверки возникших сомнений и вопросов в связи с моим анализом. Но если вы действительно честные и неподкупные журналисты, то вы не оставите в своей душе это письмо без последствий – постараетесь

понять мою точку зрения и мои аргументы и факты непредвзято.

И вот уже в который раз я начинаю анализ статьи Виталия Аркадина. Постараюсь писать конкретно и лаконично, хотя сомневаюсь, что может получиться что-либо вразумительное.

Итак, в «Белый лебедь» свозятся ярые и неисправимые нарушители режима содержания из разных управлений. Преобладает в основном такой спецконтингент: воры в законе, лидеры и авторитеты преступного мира, картёжники и склонные к побегу из мест лишения свободы. Естественная физическая потребность в свободе служит поводом для запуска в бетономешалку человеческих судеб. В самом начале возили только из управления «Усольеспецлес». Затем нетрадиционные методы получили широкое признание в верхах, и было получено разрешение свозить из других областей и управлений.

Меня привезли первый раз из колонии № 5 строгого режима, которая находилась севернее Соликамска, в глухой тайге, за 150 км от цивилизации. Чердынь, возможно, вы знаете – это историческая столица Пермского края, а район, в котором я пребывал, лишён даже этой исторической достопримечательности. Только сосны и ели кругом, да медведь – хозяин.

А на посёлке Пильва начальник нашей зоны – это был Бог, нет, извините, дьявол, так как зона – это всесоюзная сточная

яма отбросов общества, но вырастает в своём значении в той глуши до центра Вселенной.

Причина моего попадания в «Белый лебедь» на исправление была чисто прозаическая: я был опасным побегушником, и, чтобы сломать меня физически и морально, мне уготовили, как рождественский подарок, это грозное и суровое испытание в настоящем застенке. На своей зоне пресс, который мне устроил начальник по РОП майор Поздеев, я выдержал, хотя меня морили в штрафных изоляторах месяцами. В холоде, в голоде, лишая самых элементарных человеческих условий. Был случай, когда я двое суток лежал без сознания в шизо – от побоев. Естественно, без оказания медицинской помощи. (Меня, кстати, всегда в изоляторах ждала такая участь.) Но назло администрации не сдох. Также капитан Чугунов, начальник роты охраны, за одну мою попытку побега с бура (барак усиленного режима) подвешивал на удавку. И вот когда они убедились, что своим беззаконием сломать меня не в силах... А я созрел, как переспелая вишня, и готов был психологически и морально идти на самый крайний шаг: убить несколько садистов в форме и с боем прорваться на свободу или погибнуть. Шекспировский вопрос:

«...Быть или не быть? – вот в чём вопрос.

Достойно ль терпеть безропотно позор судьбы,

Иль надо оказать сопротивление:

Восстать, вооружиться, победить

Или погибнуть?...»

Оказывается, проблемы Гамлета очень актуальны и в наше время. Я был в отчаянии и на краю пропасти.

Выдержка моя уносилась от шквала беспредела и бесчеловечности, как пески барханов в пустыне. И вот, видимо разузнав о моём окончательном решении – а я заказал охотничий нож и нунчаки, что абсолютно точно говорило о моём желании вооружиться, – только тогда, страхуя себя от происшествий, меня отправили в «Белый лебедь». Предварительно позвонив, чтобы встретили и устроили в лучшем виде. Это я вычислил из «торжественного» приёма, который с нашего этапа устроили только мне одному. А я не дал для такого «чувствования» ни малейшего повода. Я очень тактично и культурно себя веду: есть такая особенность характера.

Уважаемые сотрудники редакции, как видите, я не способен написать кратко, хотя знаю, что краткость – это сестра таланта. Значит, ещё один недостаток. Я, конечно, понимаю, что занимаюсь повествованием, а не анализом. И по объёму, вероятно, выльется на приличную повесть. Ну что же, такое сильное эмоциональное состояние вызвала статья. Меня уже сейчас от воспоминаний об испытанном на себе потряхивает (в буквальном смысле). И я начал нервничать, как барышня при виде мыши. Ещё не хватало закатить истерику. Ну ладно, не буду касаться эмоций, а заодно и частных. Зачем дрожать нервной лихорадкой?

Главное, поймите следующее: в разряд склонных к побегу я попал осознанно, так как приговор суда по обвинению в умышленном убийстве я считал неправомерным. В 1980 году Пермский областной суд осудил меня (в составе преступной организованной группы) за разбойное нападение и умышленное убийство и приговорил к 15 годам усиленного режима.

Я ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ СОВЕРШАЛ

Вся моя вина заключалась в следующем: я пошёл с подельником на кражу из квартиры. Находился у подъезда на аташе (извините за блатной жаргон). Подельник совершил кражу, но через 2 дня я узнал, что в квартире была старушка, которую он связал, а она умерла...

Вот так сфабриковали дело и на меня. Он пытался главную вину за убийство переложить на мои плечи. Стрелочник из него получился неплохой. Но я его понимаю, так как его судили за два убийства при разбойных нападениях, и, опасаясь ВМН (расстрела), он оговорил меня. В общем, убедился в отсутствии у Фемиды беспристрастности – она, оказывается, действительно с завязанными глазами и ничего не видит. И, конечно, когда меня этапом привезли в колонию усиленного режима, то я увидел советских рабов на лесных плантациях. В своей прошлой жизни я был закалён в трудных условиях, но от увиденного я оказался в состоянии отчаяния. Можно даже выразиться: я был в шоке. Боже мой (я часто вспоминал Бога всеу, хотя был атеистом), пятнадцать

лет влачить жалкое существование в этом кошмаре. Да никогда не смирюсь! Я вам устрою кордебалет. Способностей у меня хватит.

Учитывая, что я бывший разносторонний спортсмен: лыжник, биатлонист, борец, легкоатлет и т. д. – можете многое перечислять и не ошибётесь. К тому же родился под знаком Водолея, что тоже для посвящённых говорит обо мне очень многое, а для непосвящённых я дам краткую характеристику человека, родившегося под этим знаком Зодиака. Человек, появившийся на свет в 20-х числах января и по 18 февраля, имеет характер особенный: дружелюбный и общительный, и это, уважаемые, бесспорно, так как в этом я убеждаюсь всю свою сознательную и несознательную жизнь. Для меня признание и восхищение мной всегда очень много значило. И я почти всегда горел, как звёздочка, в любой компании (предпочтительнее были незнакомые, которых требовалось завоевать и покорить). Вот это желание выделяться и быть эксцентричным, возможно, в какой-то мере тоже внесло свой вклад в моё падение в эту бездну.

Одним словом, любил удивлять, восхищать и радовать. К этим качествам, естественно, как спутник Луна у Земли, имел такие свойства характера, как оптимизм и коммуникабельность.

К этим положительным качествам, как довесок, был вежлив, аккуратен и чистоплотен в любых условиях. Что сделать порой было очень сложно. Особенно при развитом социа-

лизме с этим было столько проблем: то баня не работает, то мыла и порошка нет, то туфли новые через пару дней разлетелись, будто я в них в футбол играл. Согласитесь со мной хоть в этом. Далее, искренен и великодушен. Также незлопамятен и немстителен. Прощаю врагов даже в том случае, когда мог бы мстить без каких-либо неприятностей для себя. И в этом даже нахожу удовольствие. А случаев подобных было в моей жизни многовато, что, мне кажется, не красит особо опасного преступника. А вот условности, педантизм и рутина – это для меня пустой звук. Интересно, а чем звук можно наполнить? Кроме того, никаких границ в мире не признаю, ни государственных, ни этнических. Только моральные имеют право на существование.

Максималист. Если любить, так любить. Если страдать, так страдать. Если гореть, так обязательно только синим пламенем. Если дружить, то желательно до гроба. А если воевать, то необходимо до окончательной победы. А поражения – это только наука на будущее и модулирование новой стратегии и тактики, исходя из ошибок прошлого. Середины не признаю ни в чём. Хотя и убеждают, что она бывает золотая. Компромиссы можно заключать, но не со своей совестью. Если она противится, значит, не может быть и речи о примирениях.

К этому добавлю, что очень энергичен, подвижен, склонен ко всему необычному, новому, яркому и оригинальному.

Из-за природного свободолюбия предрасположен к

невзгодам (их у меня целый склад) и, без сомнения, к бродячей жизни.

За свои скромные, небогатые возможности успел объехать весь Союз. И кем только не был за это время!

«И окурки я за борт швырял в океан,

Воспевал красоту островов (курильских) и морей»: Охотского, Японского и Тихого океана...

Страсть к путешествиям у меня необычная, а также к риску и авантюре. Только появляется возможность проверить себя в экстремальной ситуации – и я, как пионер, всегда готов.

И, конечно же, большая, пламенная любовь к независимости. Эта черта, данная от природы, усилилась, как генератором, воспитанием, так как отец у нас погиб, когда мы вышли из младенческого возраста, и такое крушение для нашего семейного корабляне прошло даром. Мать осталась с тремя детьми. Старшей сестре было восемь с половиной годиков, мне шесть с половиной, а младшей исполнилось пять лет. Мать успевала дать нам только самое необходимое: кое-как прокормить и одеть. Сколько я себя помню, всегда слышал, что наше государство самое гуманное, самое справедливое и самое милосердное. Только я с юных лет воспринимал эти лозунги, как самое наглое враньё. Мы жили вчетвером всего на ПО рублей. Из них 30 рублей была пенсия за убитого отца.

И раз уж коснулся этих тяжёлых воспоминай, то приведу

один характерный для той поры пример. Помню, короткое время мать работала посудомойкой в столовой. Естественно, приносила объедки со столов для нас. Объедки – это ничего страшного. Пострашнее было другое: помню, однажды, она пришла домой очень радостная. «Мам, чему ты так радуешься?» – спросил я. Она молча разжала кулак, и на ладони я увидел мелочь: 12 коп. – это была плата за проезд на двух автобусах. Один километр от остановки она шла и не верила своему счастью: сэкономила столько денег. А я хорошо знал её характер и представил, как она трепетала, как осиновый лист на ветру. А вдруг контроль? А вдруг кондуктор напомнит о билете? Вот будет стыдно и неудобно. Она в таких случаях готова была под землю провалиться. А жить на что-то надо было, и выбор был нелёгкий, но выбирала противное её воспитанию и совести. Я был юношей с очень чувствительной душой. От ненависти к неизвестному врагу в образе Системы я готов был разорваться и подорвать своим телом дворцы, а мир оставить хижинам. Если в то время мне бы дали динамит, то я вошёл бы в историю как самый молодой экстремист и террорист. Но динамита, к моему счастью, не оказалось, поэтому я сейчас пишу эти строки. И в то время я не видел истинного пути для выхода из тупика. Но я, кажется, уважаемые, отклонился, и пора потихоньку выходить из лабиринта воспоминаний

Так вот, нас, «безотцовщину», как нас называли, воспитала улица (это в традиционно-обобщённом смысле), а ме-

ня ещё и природа-матушка. Низкий поклон ей за это. За то, что я находил радость, красоту и вдохновение, а также отдохновение от житейских невзгод. Я был с юных лет завзятый и непревзойдённый рыбак, охотник и турист. В четвёртом классе я уже ездил один на рыбалку с ночёвкой. А в пятом испытал себя ночёвкой в лесу зимой, в тридцатиградусный мороз. Я леса не боялся ни в ураган, когда с корнем выворачиваются ели, ни в буран, ни в лютый, под 40 градусов мороз. И даже ночью. Разве можно бояться Природы? Это же не человек с извращённой психикой. А в 14 лет нелегально купил ружьё и ходил в лес, который был в ста метрах. Попытки егерей забрать у меня берданку всегда заканчивались так: я целился самому ближнему в голову и говорил: ещё шаг – и буду стрелять! Естественно, мои угрозы проверить желающих не находилось. Конечно, потом приходили с участковым милиционером и делали обыск, без всяких ордеров и постановлений, но у них энтузиазм улетучивался, так как у нас был частный дом с чердаком, сараями и подвалом. На тщательный осмотр у них терпения никогда не хватало. А я был мудрый пескарь, и после первого посещения делегации милиции с егерями я ощутил тревогу за свой арсенал и своё сокровище и нашёл лучшее укрытие в хлеву для двух свиней. В это помещение можно было заходить только в резиновых сапогах. В стене был тайник для моего вооружения.

Вот вкратце я дал описание своего характера. И теперь вы понимаете, какая крайне полярная ситуация сложилась у ме-

ня, когда я окунулся в этот тюремный омут. В клетку посадили Тарзана. Правда, более цивилизованного и испорченного коммунистическим воспитанием. Впрочем, я не сказал того, что кроме природы и матери я ещё любил книги. Из которых получал знания о благородных, сильных и смелых людях, словно экскаватором, вычерпывал информацию из литературы разных жанров. Книги были моими любимыми учителями и наставниками. Но, к огромному сожалению, коммунистическая идеология создала огромное информационное поле, искажающее истинное положение дел в стране. И поэтому на систему судопроизводства я смотрел сквозь розовые очки и полностью был уверен в том, что, несмотря на вопиющие процессуальные нарушения следователей, расследующих уголовное дело, думал, всё ерунда, на суде разберутся. Это же наш советский суд, самый гуманный суд в мире.

Оказалось, что у суда совсем другие функции – это был пресс-штамп, из-под которого вылетали утверждённые обвинительные приговоры. Я с начала судебного процесса смеялся, когда видел всё несоответствие, и все противоречия реальным фактам, и все подтасовки, которые были полной противоположностью моим представлениям о справедливости. Когда же судья Хреновский зачитал приговор и одного из моих подельников приговорил к высшей мере наказания – расстрелу, а мне выдал максимальный срок по статье – пятнадцать лет усиленного режима, я пал духом! Меня даже когда били колом по голове – это переносилось намного легче.

Правда, разочарование пришло не сразу – этому способствовало такое событие. Перед тем, как окончательно пасть духом, я попал под молотки (деревянные, называемые киянками) и дубинки. Меня избили так, как не били, мне кажется, никогда в жизни. Нет, уважаемые, один раз в Сахалинской области, на острове Шикотан, я попадал в больницу после избиения, и меня привели в сознание только через двое суток. Но там всё справедливо: была крупная групповая драка (более 100 человек), в которой только наших погибло семеро. Странное было разделение: с одной стороны, вербованные и жители посёлка, в основном малолетки, а противниками и врагами мы считали матросов и рыбаков с сейнеров, БМРТ и плавбаз.

А теперь меня убивали за маленький, малюсенький пулячок. За который даже не трогали в тюрьме особого режима во Владимирском центре. Это я провожу сравнение, чтобы вы сделали собственный вывод. Следовательно, есть подозрение и предположение, основанное на догадках и интуиции, что кому-то необходимо было в тот критический момент вывести меня из строя. А я после суда опять хотел вскрыть весь механизм и основных организаторов этой преступной группы. У меня с ними был серьёзный конфликт, который произошёл за три месяца до нашего задержания.

Основная причина нашей внутренней конфронтации была в том, что они требовали от меня, чтобы я психологически обработал мужа моей старшей сестры для того, чтобы он

поставлял секретные сведения о новейших технических разработках в ракетостроении, а также о подготовке к запуску и пусках космических ракет. Соловьёв Владимир закончил Высшее командное инженерное училище в г. Перми – с золотой медалью. И поэтому мог выбирать, где ему служить в ракетных частях. Безусловно, он выбрал космодром Байконур. В то время это был самый известный в мире космический центр, благодаря полёту в космос Юрия Гагарина. У Володи было отличное инженерное образование. А также физически он был развит прекрасно. По многим видам спорта имел первый разряд. Однако у него был и очень существенный недостаток: он был склонен к постоянному употреблению алкоголя. Алкоголь и наркотики, как удав в засаде, умеют терпеливо ждать свою жертву. Поэтому он деградировал медленно. А в 1975 году он выглядел бравым офицером, имеющим таланты от родителей и стремление развиваться в избранной профессии. Он участвовал в подготовке к запуску ракет с космонавтами. Яркий пример – запуск «Союз-Аполлон».

Они жили в г. Ленинске. В 1975 году я съездил к ним в гости. Пообщавшись с сестрой, я понял, что она имеет перспективу быть генеральшей. Это была её голубая мечта с детства и юности. А так как я очень любил сестру, то решил не вносить в её жизнь свою, диссидентскую идеологию. И не разрушать её душевный мир, мировоззрение и её цели (над которыми я иногда ехидно посмеивался). Из этой поездки я привёз в Пермь целый чемодан фотографий с космонавта-

ми. Как они у меня оказались, я раскрывать не буду, чтобы не компрометировать отважных и смелых людей, осваивающих космическую целину. И гордился этими очень редкими снимками, как ребёнок, перед всеми знакомыми. Как будто я сам был космонавтом.

Просмотрели их и эти два резидента. На какую разведку они работали, мне было неизвестно. Безусловно, они убедились в том, что я имею доступ в ближнее окружение космонавтов, и поэтому ещё серьёзнее стали меня психологически обрабатывать. Один из них был в то время директором БММТ (Бюро международного молодёжного туризма) «Спутник». На их предложения я достал с книжной полки уголовный кодекс и указал на 64-ю статью, которая гласила: измена Родине (шпионаж) – высшая мера наказания, расстрел. И сказал: я своих близких подставлять не буду.

Естественно, их мой решительный отказ не устраивал. И поэтому они, как ядовитые пауки, стали плести вокруг меня смертельную паутину. Безусловно, социалистическая система была диктаторским режимом, который необходимо было свергнуть. И я был внутри зарождающегося процесса разложения. Кроме того, нашу группу инакомыслящих создали и объединили этой антигосударственной идеологией работники КГБ. И они старались подавить мою волю, втянув в серьёзный криминал. И когда я в их расставленную сеть попал, тогда они приехали ко мне домой и выдали жёсткий ультиматум: или я выполняю все их требования, или окажусь

под следствием, обвиняемым в серьёзном преступлении – в убийстве.

После их отъезда я всю ночь размышлял над сложившейся ситуацией. Меня подставил мой товарищ Якимов. Он уже был в их руках марионеткой. Что же делать – сверлила мозги одна надоедливая, как комар, мысль. Ещё дальше залазить в это зловонное болото? Или разрубить, как гордиев узел, одним ударом меча? Приехал мой поделщик, и я ему предложил бежать вместе со мной из Советского Союза. У меня уже была одна неудачная попытка побега в Японию в 1977 году. Её я опишу в отдельном рассказе. На моё предложение он ответил, как сформировавшийся фаталист: все под Богом ходим, моя жизнь в Его руках. Такая жизненная позиция меня удивила. Неужели Серёжа стал религиозным фанатиком? Я знал от его близкого дружка и поделщика по убийству, что Серого – такая у него была кличка – они приговорили к смерти. По их раскладу, Серый должен был устранить на тот свет какого-то наводчика на квартиру, в которой они совершили убийство. А потом и его очередь была отправиться в иной мир. Ему я не мог этого сказать, так как своему товарищу он верил безоглядно. Тогда меня они устранили бы быстрее. Такая, оказывается, уголовная романтика в чистом виде.

Конечно, я пытался его убедить, что такая позиция чревата серьёзными последствиями, но все мои аргументы не достигали его сознания. И тут я сразу вспомнил о том, что в го-

роде у меня есть двойник – Владимир Пенкин, с которым меня часто путали его девушки. С одной очаровательной особой я даже не удержался и переспал. (Хотел подшутить, однако юмор у меня в то время был без нравственных границ). Естественно, во время интимной близости она быстро прозрела. Я попросил её оставить мою неординарную выходку в секрете. Она согласилась и даже очень долго смеялась. Но если его девушке было смешно, то с Володей проверить его реакцию я не испытывал желания. Благоразумие тоже иногда показывало, что оно у меня существует.

Я решил, что нужно украсть все его документы, по которым я легко проеду в погранзону. На время я решил отъехать из города, чтобы разобраться во всём в спокойной обстановке. Но 10 июня 1979 года был захвачен спецгруппой в Липецкой области. Из Липецка самолётом доставили в Москву, а оттуда на Ту-144 в Пермь. Но в Москве меня допрашивали следователи из особого отдела, так как наша преступная группа имела политическую окраску. Добавлю такой факт, что все арестованные раньше нас подельники уже заливались курскими соловьями. И напели соловьиных трелей столько, что у меня появилось ощущение приближения «старушки с косой». Вскрылись такие эпизоды, в которых я не участвовал, а только о них слышал от исполнителей. Но оказывается, по их словам, я там был и выполнял главную роль. Каждый спасал свою волчью шкуру и оговаривал других.

Я включил свой интеллектуальный резерв и усиленно ис-

кал аварийный выход. Ни в коем случае нельзя паниковать – делал я себе психологическую установку на поведение. Нужно сконцентрироваться! Ни одного слова о преступлениях. Всё перевести в политическую плоскость. И я попросил у следователей бумагу и ручку, чтобы обдуманно дать показания на организаторов, служащих в КГБ. И о том, что они меня шантажировали. Почему-то я был уверен, что социалистический режим не станет выпускать этого «джина из кувшина». Утром я отдал свои показания, и снова самолётом, под усиленной охраной уже пермского спецконвоя, меня доставили в Пермь.

Среди сопровождавших спецов оказался хорошо мне знакомый Игорь Смышляев. Мы занимались вместе с ним борьбой дзюдо в сборной области в «Динамо». За три часа полёта он, сидя в соседнем кресле, сумел пересказать всю информацию, какую имел о моих подельниках. В дальнейшем я убедился в том, что она была достоверной. И, кроме того, когда в ИВС на меня набросились любители избивать задержанного в наручниках, то я после двух пропущенных ударов отскочил и хотел дать сдачи. Конечно, я забыл о том, что я не на улице, и тогда Игорь снова мне помог. Он убедительно сказал: «Я вам бить его не советую. И вмешиваться не собираюсь». И они сразу успокоились, словно дрессированные собачки.

Ночь в ИВС была очень холодная, и ко всему прочему мой мозг отключился от моего управления. Я даже представить

не мог, что такое может произойти. Только иногда в перенапряжённые поиски выхода вмешивался скептический голосок: ну вот и влип, красавчик. Допрыгался и доигрался в эти авантюрные игры. Психологическое состояние трудно передать словами. Это не было похоже на банальный страх. Вероятно, подобное состояние мог испытывать Юрий Гагарин перед своим стартом в космос. Я понимал, что лечу в неизвестность. В новый мир, который мне был лучше известен, чем Гагарину. По книгам, кино и по рассказам бывалых сидельцев в зонах. Но для себя лично я был первопроходцем. Начинался мой новый жизненный этап, и нужно было психологически настроиться и подготовиться к этой битве.

Утром меня вызвали на допрос. Следователи – в то время мы их презрительно называли мусорами – включили стереотипную программу доброго и злого полицейского.

– Крикунов, ты понимаешь, что тебе грозит? – угрожающе прошипел один из них, более подходящий и по внешнему виду, и по характеру на роль рыкающей овчарки.

– Не... не понимаю, – решил я его подраконить, прикинувшись дурачком, ничего не знающим. У него аж слюна изо рта от злости полетела.

– Тебе грозит расстрел, ты понял?

– Вы только сейчас представились следователем, а уже успели мантию судьи надеть. Я, наверное, не расслышал, кто вы по статусу. – Пинок пришёлся по стулу, на котором я сидел. И в этот момент вмешался второй следователь со сло-

вами:

– У тебя, Крикунов, есть шанс только в одном случае, если всё чистосердечно расскажешь, как уже сделали твои подельники. И мы тебе оформим явку с повинной.

– Я её уже сделал, гражданин следователь, в Москве старшему следователю особого отдела. И повторяться не собираюсь. А по поводу, как вы говорите, моих подельников, то я требую очную ставку с ними. С теми, кто меня оговаривает. И тогда, может быть, мы будем разговаривать. А сейчас я готов к ожиданию очной ставки с ними и ничего не собираюсь рассказывать.

– Вот послушай магнитофонную запись твоих товарищей.

Мне прокрутили несколько эпизодов по убийствам при разбойных нападениях. Я спокойно слушал, а в конце сказал:

– Где вы таких плохих актёров набрали, что я даже не могу никого узнать ни по тембру, ни по диалекту, ни по жаргону. В общем, не тратьте своё драгоценное время. Только после очной ставки буду с вами о чём-то говорить. – Протокол допроса я подписал со своим комментарием: «Явку с повинной я сделал в Москве подполковнику особого отдела. Буду давать показания по предъявленному мне обвинению только после очной ставки с обвиняемыми, которые меня оговаривают».

Ещё одна холодная и неудобная ночь на деревянных нарах и, безусловно, бессонная от серьёзных переживаний. Утром снова вывели на допрос. В кабинете за столом сидел солид-

ный человек в штатском, которого я в мыслях окрестил тузом. А вокруг него стояло до десятка офицеров – их я сравнил с валетами. Мозг нужно было ввести в спокойное, релаксирующее состояние, чтобы быть способным чутко реагировать на разные выпады допрашивающих. И сразу же я ощутил какую-то нервозность и суету среди стоящих офицеров. А туз со своим барским величием стал именно тем, с кем мне придётся интеллектуально и психологически сражаться.

– Садись, – кивнул он на стул. Я сел напротив него. Он внимательно меня рассматривал. Потом спросил:

– Крикунов, ты что дрожишь? – На этот вопрос я со злостью в голосе ответил:

– В камере холодильник, поэтому замёрз.

Он приказал принести чаю и шинель. Когда я её накинул и попил горячего чая, тогда дрожь прошла. И я вспомнил этого человека: надо же, сам комиссар области генерал Мажура пожаловал. И делает это инкогнито, не желает представляться. В Москве высокие чины соблюдали закон. Конечно, мне необходимо дать пояснения, чтобы мои слова не выглядели вымыслом писателя. Мой товарищ Муратов Юрий Михайлович, заслуженный тренер СССР по самбо и дзюдо, какое-то время возглавлял у этого комиссара команду телохранителей. И мы иногда видели его идущим по тротуару от управления МВД к своей квартире. И мой товарищ всегда немного эмоционально говорил: «Смотри, Мажура променад делает до лежбища». Поэтому я его узнал, но не стал своё знание

афишировать. А он сделал довольно длительную паузу, а потом отеческим тоном произнёс:

– Сынок, я не буду интересоваться деталями преступлений. Расскажи, чем жил, какие интересы и увлечения имеешь.

Я от «сынка» выпал в осадок, но грубить желания не было. И даже сам не понял, как это произошло: начал рассказывать о трудном детстве, о ранней гибели отца, о занятиях профессиональным спортом. В общем, стал плакаться в жилетку, как обиженный ребёнок. И когда осознал этот факт, то переключился и стал говорить о любви к Родине и ненависти к социалистическому строю.

Надо отдать должное генералу: он умел слушать и редко задавал навоящие вопросы. Он оказался отличным психологом, который умел быстро сканировать собеседника, как рентген, и находить слабые места. В конце моего монолога он быстро изменился в лице, и от добродушного дедушки ничего не осталось. И выдал жестокий вердикт:

– Крикунов, я всё понял: тебя пресс-хатой не сломать и физическими методами тоже. Но если тебе дорога жизнь твоей любимой сестры, тогда забудь о КГБ и политику к уголовному делу не приплетай. Надеюсь, ты меня услышал. – «Яволь, господин генерал!» – мне очень хотелось ему ответить в таком ключе, но я ответил на удивление очень просто, так как мне уже было не до шуток:

– Я всё понял. Я согласен всё забыть, что в Москве наго-

ворил. – Сразу возникли ассоциации: я раньше не мог понять, почему боевые офицеры, прошедшие горнило Гражданской войны, с такой лёгкостью признавались в шпионаже на три разведки мира и таким образом добровольно шли на расстрел. Оказывается, этот метод безотказно действует и в наши дни. И ещё я понял, что приход генерала был не из праздного любопытства. Он решал глобальные задачи: как усидеть в кресле до пенсии и уйти на заслуженный отдых без проблем. Поэтому по договорённости с комиссаром мои первичные показания из уголовного дела были устранены. И даже больше того: отчёт задержания пошёл не с 10 июня, а с 14-го – со дня нашего договора с генералом.

И вечером в соседней камере уже находился мой подельник Якимов, которого привезли из Сизо-1. Фактически нам создали идеальные условия для общения, и создания, и выработки новой версии по выходу из смертельного капкана. Ты – мне, я – тебе! Это очень древний принцип, слова принадлежат древнегреческому философу Гомеру – автору «Илиады» и «Одиссеи». Я всегда удивляюсь тому, насколько эти слова актуальны в любое время.

Генералу я пообещал молчать о политике, а также о работниках КГБ – организаторах нашей преступной группы. У вас может возникнуть вопрос: а когда он об этом сказал? Обязательно нужно разъяснить, так как на словах диалога не происходило. Конечно, его появление было вызвано моими показаниями, данными в Москве. Поэтому и такой жёсткий

ультиматум возник из этого факта. Мы с ним общались без слов, однако очень хорошо понимали друг друга. И в результате такие подарки. Как видите, революционера из меня не получилось.

Для обывателей, а если чуть помягче, для людей, далёких от тюремной системы, я сделаю пояснения насчёт идеальных условий. Во-первых, почему не посадили в одну камеру. Естественно, на всякий случай подстраховались: а вдруг утром кого-нибудь пришлось бы везти катафалком в морг. Им достаточно было поместить Якимова в соседнюю камеру, так как в стенах были проделаны отверстия, которые арестанты называют «кабуры, трассы или «дороги». Также можно общаться через окна, которые были в железных решётках. Но тогда находящиеся рядом задержанные (среди которых я уже сумел вычислить насадку) слышали бы весь диалог. За ночь мы расписали три разных варианта. И согласны были менять показания в ходе следствия и судебного процесса. Достаточно было того, что, если чем-то вариант одного не устраивал, тогда переходили ко второму или третьему. Даже без лишних объяснений. Нужно было бы просто в ночное время громко крикнуть на всю тюрьму: включай второй или третий вариант.

Мы думали, что поймали жар-птицу за хвост. Однако проза жизни была намного сильнее теории. В чём произошёл мой серьёзный просчёт? (Это моя аналитическая выкладка в данное время. Задним числом все умны.) Во-первых, в своих

вариантах мы брали за основание, как твёрдый фундамент, наше знание УПК и УК. Судья же их просто игнорировал, так как телефонное право было главным законом жизни. Во-вторых, мы сознательно решили внести в показания противоречивые факты, на которых построили бы, в случае необходимости, свою защиту – в том случае, если ход судебного процесса нас бы не устроил. В-третьих, я не учёл того, что умный и сильный человек способен так легко и быстро психологически сломаться. И на суде Якимов стал творить такое, что я перестал его узнавать. Очень быстро его обработали и вынули из моего товарища стержень личности, превратили в зомби или в животное, у которого был только панический страх и ужас. И если бы это было просто раскаяние и покаяние перед родственниками ими убитых, тогда бы я его смог понять и простить, но, к огромному сожалению, это был страх смерти.

Есть такая поговорка: друг познаётся в беде. Впрочем, на роль друга он не подходил. Но до этих критических и кардинальных перемен ещё текла река времени, и моя пиратская бригантина под флагом Весёлого Роджера и с надеждой на успешный выход из этой ситуации плыла по океану жизни. Находясь в следственной камере, я не терял времени даром, а занимался самосовершенствованием. Проводил серьёзные физические нагрузки, к примеру, за день по объёму набирал три тысячи отжиманий от пола и столько же приседаний, и приёмы рукопашного боя отрабатывал с желающими по-

знать боевое искусство, также читал книги. Писал свой первый роман, который я назвал «Великий поход», о путешествии на Курильские острова и попытке побега в Японию. Много времени проводил за игрой в шахматы. Наводил разборки с некоторыми сокамерниками, которые пытались внести разнообразие в повседневность прописками, унижающими достоинство, вновь прибывших.

В камере с местами для заключённых всегда была проблема. Если мне не изменяет память, не меньше двадцати было шконок, а перенаселённость всегда зашкаливала раза в два. Естественно, за семь месяцев навиделся много разных индивидов. Возможно, адаптация к камерной жизни прошла успешно, и поэтому стрессовый вулкан затих. Редкие выходы к следователю мне ничего нового не сулили, хотя в самом начале следователи и дознаватели пытались навешать мне несколько нераскрытых убийств и нападение на инкасаторскую машину. Их желание мне было понятно – на моё счастье, у меня было алиби (в это время я жил очень далеко от Перми).

И ещё они пытались повесить на меня убийство при разбойном нападении, совершенно оторвавшись от земли, всего лишь показывая моё тюремное фото какой-то старушке-свидетельнице. На этом фото я сам себя не узнавал. И, слушая бред этого следователя, я непроизвольно воскликнул: «Слава Богу, он есть!» Возможно, следователь был верующим в Бога с партийным билетом, но удивительно то, что после это-

го допроса меня больше не тревожили. И только в самом конце следствия, при закрытии, выводили несколько дней на ознакомление с уголовным делом.

Десять томов мы изучали вместе с адвокатами с утра до вечера. Я эпизод со старушкой описал для того, чтобы наглядно показать, как проходил следственный процесс. Поэтому я на него плевал с высоты той башни, которую я построил в своём сознании. Уверенность в том, что в суде разберутся, была такая же, как у тех, кто верил в построение коммунизма. Однако судебный процесс, который длился целый месяц, был аналогичным предварительному следствию. Также происходили грубейшие нарушения УПК, суд был предвзятым, тенденциозным, с обвинительным уклоном, и если я рассчитывал на дополнительное следствие по фактам, которые имел, то приговор суда обрушился на меня, как топор палача.

Зачем рубить головы на эшафоте, когда можно заживо похоронить на каторге? Я оказался к такому исходу морально и психологически не готов. Где же законность, где же справедливость – кричал кому-то в бездну своей души. Вспышки гнева и ярости, как молнии, сверкали в голове, и я сбрасывал свою негативную бешеную энергию, пиная стену и стуча в неё кулаками. К этому времени ежедневными регулярными тренировками я ударные части хорошо подготовил – обошлось без переломов.

Оказавшись в таком глубоком психологическом нокауте

и цейтноте, я решил обсудить эту ситуацию с адвокатом. И кратко рассказал об организаторах криминальной структуры, об их роли в моей судьбе. О шпионаже. О том, как эти люди меня подставили. Единственное, о чём я умолчал, это о том, что организаторы были работниками КГБ. На мои откровения адвокат только кивал головой, а потом сказал: «Обязательно напиши! Это очень важно! И мы, несомненно, в кассационном суде добьёмся справедливости, и приговор отменяют!» И вот меня вывели из кассационной камеры, где содержат после суда, на встречу с адвокатом Банниковым. Я от одного осужденного узнал о том, что он раньше был прокурором. Знать бы об этом до суда!

Женщина-контролёр, которую я знал, будучи на свободе (были у неё в гостях с её знакомой), о том, что её подруга работает в сизо, мне, к сожалению, не поведала. Возможно, я бы и с ней поддерживал отношения на всякий пожарный случай. Если бы обладал даром предвидения. Но даже короткого знакомства хватило, чтобы извлекать из него определённые плюсы. В тюрьме она имела прозвище «Нино» за длинный, как у Буратино, нос. Кроме носа, который она получила в наследство от родителей, она ещё имела пророческий дар. И с самого первого дня мне постоянно твердила: «Крикунов, 15 лет усиленного режима ты получишь». На что я ей стандартно отвечал: «Не фантазируй, милая Нина». Я даже за глаза не хотел её называть по распространённому в сизо прозвищу. В общем, эта милая «Нино» повела меня по-

чему-то другим маршрутом. Остановила у моей камеры, в которой под следствием я просидел семь месяцев, и сказала: «Постой, подожди, а я на пять минут отойду». – «Да, конечно, радость моя. Ради тебя на всё готов. Даже на амбразуру!» – Она отошла метров за тридцать разговаривать со своими приятельницами. Они в этот день проводили шмон, и было очень много «дубаков» и «дубачек», словно мухи слетелись на дерьмо.

Я, конечно, элементарным образом, что делал неоднократно прежде, поднял глазок и поприветствовал бедолаг. А потом добавил сенсационную новость, что мне дали 15 лет усиленного режима. В камере быстро запрыгали к двери, и первыми были самые близкие, с кем успел сдружиться за это время. Они постарались меня морально поддержать: «Братан, держись! Не раскисай!» – «Бродяги, а что ещё остаётся делать?» – ответил я им. Во время наших переговоров я увидел, как от толпы шмонщиков идёт надзиратель. Я встал около окна. Руки за спину. Всё чинно (а убеждал, что не люблю условностей). Он подошёл и спросил, зачем подходил к камере. До неё всего 1,5 метра. Ох, и прогулка была, и я, не подозревая подвоха, спокойно ответил: «Командир, сказал, сколько дали срока на суде». В моём тоне не было вызова и наглости, а только спокойствие, добродушие и вежливые интонации. Он на это резко ударил в солнечное сплетение. Глупец, я каждый день по 2–3 тысячи приседал и столько же отжимался от пола. И ещё находил время для отработки

приёмов. Он, конечно же, был не в курсе. Но я решил на удар не обращать внимания, как слон на моську: мне всё-таки требовалось к адвокату идти, и поэтому я с издёвкой ухмыльнулся. Он решил ударить в лицо. Весь напрягся. «Идиот, думает, чем сильнее напряжётся, тем сильнее ударит», – мелькнуло у меня в мозгах. И когда кулак подлетал к моей ехидной морде, я спокойно своё лицо отодвинул в сторону. Ровно настолько, чтобы удар не достиг цели. Тогда он замахнулся киянкой, целясь разбить мою бестолковку. (Надо быть чуточку самокритичным.)

Я подумал, наверное, не без оснований, что голова мне дадена не для битья по ней деревянной увесистой кувалдой, которой они при шмоне бьют по решёткам – проверяют крепость железных прутьев: не перепилили ли арестанты своими зубами, как бобры, долгими и бессонными ночами. Естественно, я голову подставлять не захотел, а перехватил его руку, вывернул и забрал этот неэтичный предмет. А его харю пожалел и поэтому правой рукой, раскрытой ладонью оттолкнул от себя эту противную морду, а на словах добавил: «Уйди, пёс!» Он не пошёл, а побежал, крича: «Нападение!». «Воет хуже бабы», – с презрением подумал я.

Толпа всколыхнулась и молча стала двигаться ко мне с недвусмысленным выражением лиц. Мне такой поворот событий показался неожиданным. «Вот так сюрприз, – удивился я, и стал говорить: — Подождите, разберитесь сначала: никакого нападения не было. Он вас обманывает». Но было

поздно: мой поезд ушёл, а я остался на платформе с зажатым в кулаке билетом к адвокату. От киянки я избавился сразу же: зачем вносить смуту в ситуацию? Они начали первые. Я не торопился начинать. Когда меня сбили с ног – это было первым сигналом. Когда стали пинать – вторым. А когда решили, что перед ними ударный инструмент, и стали бить киянками и дубинками, которые до метра длиной, – вот только тогда я начал отбиваться.

Нервы у меня были железные, не то, что сейчас, поэтому я сделал такой антракт. Их было человек 10, а я один. Скорее всего, человек был один – остальные недочеловеки. Сначала я спрыгнул с пола: загорать мне было не по климату. Затем начал успокаивать агрессивных. Но численное преимущество оказалось, а я, к сожалению, не Брюс Ли. И коридор был узкий, что мне также препятствовало их дружную команду растянуть на дистанцию и поодиночке отработать. Самое интересное, что в этот момент я совершенно забыл об адвокате. О том, что я нахожусь в тюрьме. Я ощущал реальную угрозу для моей жизни и отбивался изо всех сил. Меня снова сбили с ног и закрутили руки. Потом потащили в дежурку.

Со второго этажа на первый решили запустить по лестнице вниз головой. Там были крутые, окованные железом ступени. Вот это было самое настоящее убийство. И когда я в воздухе это осознал, я сделал сальто и приземлился на ноги, а не на голову, как рассчитывали они. Инстинкт самосо-

хранения развит в любом человеке, только дай ему зелёную улицу. Второй пролёт я спрыгнул, не задерживаясь, даже не считая ногами ступени, а они стояли, открыв рты, видимо, в детстве в цирк не ходили. Дальше снова бойня. Но перед этим они поступили очень мудро: сначала мне надели наручники и зацепили за батарею отопления. А потом я выполнял роль боксёрской груши. Как спарринг-партнёр я им почему-то не приглянулся. Затем стали требовать, чтобы я написал объяснительную, будто бы я на них напал и так далее. Наверное, от избытка энергии и от нежелания встречаться с адвокатом? А какие ещё могли быть причины? Но стреляного воробья на мякине не проведёшь, так как я уже немного в уголовном кодексе был просвещён (устно – от сокамерников, а книги нам по законодательству не давали: не дай Бог, будем много знать. Библиотекарем была симпатичная женщина, и её лицо всегда излучало свет, видимо, формула «Учение – свет, а не учение – тьма» на ней ярко проявлялась, но на наши просьбы она всегда очень лаконично отвечала: на руках. Видимо, был всего один экземпляр на несколько тысяч подследственных.). И поэтому я надзирателям ответил: «Это же 77-я статья (прим.)». – «Ну и что?» – уверяли они. «Как всё просто, – проносилось с тревогой в мозгу, – статья на расстрел тянет». И я отвечал: «Нет, дорогие, я так с вами не договаривался». Меня били долго и упорно, пока не вмешалась контролёрша, а к её мнению и доводу почему-то прислушались: «Его адвокат уже заждался». Меня помыли,

привели в порядок и повели к нему.

Я, как только зашёл в кабинет, вместо «Добрый день» и «Здравствуйте» сказал: «Будьте свидетелем. Меня беспричинно избили. Вызовите эксперта и сделайте экспертизу!» У меня текла кровь из ушей, носа и изо рта. Да и синяков было достаточно, чтобы озарять кабинет ультрафиолетовым светом. «Ты сам себя плохо ведёшь», – ответил мне мой адвокат Банников (кстати, бывший прокурор). «Иди ты, мразь, на...!» Я развернулся, и меня снова повели на бойню.

Теперь меня уже никто не ждал, поэтому били долго, со знанием дела и не спешили, как до этого. Расписываться в бумаге за дезорганизацию я не стал. Мне перебили позвоночник, но не до конца: ползать я смог, и кость изуродовали на ноге. Когда я на неё смотрел, мне становилось жутко. Открытая – хоть скелет изучай по новой. В школе со знаниями анатомии у меня было плохо, так хоть на практике добирал крохи. Оттащили волоком в изолятор и бросили в карцер на бетонный пол. Двое суток я валялся, потом позвоночник отошёл от паралича, и я смог встать. Почки тоже были отбиты, так как ссал с кровью. И как только я поднялся на ноги, я стал требовать бумагу и ручку, чтобы написать кассационную жалобу на приговор суда. В ответ я услышал: в карцере не положено! По закону жалобу нужно подавать не позже десяти суток. И адвокат соизволил появиться намного позже окончания этого срока. Этот лимит времени у меня закончился тогда, когда не способен был брать даже кипяток, пол-

зая по бетонному полу. Вкратце я пояснил, как исполняются заказы стоящих на страже закона. После этого я два месяца приходил в себя. Кость на ноге гнила.

Медсестра, очень хорошая, добрая женщина, сочувствовала мне: «Тебе, парень, нужно делать операцию, а то могут ногу отрезать». – «Дайте какой-нибудь инструмент – я попрактикуюсь». Мой чёрный юмор она понимала, но другие, от которых это мероприятие зависело, даже не хотели слышать об этом.

Одними мазями она делала всё, на что была способна, и даже больше. У неё была очень добрая душа и целительные руки. Джуне Давиташвили она вряд ли бы уступила. Побольше бы таких женщин на свете существовало – мир бы точно изменился к лучшему.

Вот почему я сказал, что приболел и из меня дух на время ушёл куда-то в гости. Надо уточнить, что не весь ушёл, кое-что осталось. В чём я убедился, когда нас со «Столыпина» в автозаках перевезли на пересылку в Соликамск. Поместили в этапную камеру. В ней уже пребывали ожидающие распределения по зонам. И нас закинули более сорока человек. У меня появилось ощущение, как будто я оказался в человеческом улье. Вавилонское столпотворение – обозвал я эту суету. Было большое желание отдохнуть после очень тяжёлого переезда. В моём самом первом «Столыпине» мне поспать не удалось, так как солдаты начали бить одного из осужденных. Мы дружно начали возмущаться: прекратите,

козлы, что вы беспредельничаете. «Сейчас за вас примемся», – не хотели они останавливаться в своей безнаказанности. Мы были в клетках, и я подумал: сейчас по одному будут выдёргивать и избивать. Солдаты распалились от вида крови и жаждали ещё.

Однако всё пошло по другому сценарию. Где-то посередине вагона один из зеков уверенным голосом призвал: «Бродяги, качнём вагон!» А так как столыпинский вагон был прицеплен в конце поезда, то буквально сидя плотно друг к другу и по команде «влево-вправо!» за очень короткое время он уже ходил ходуном, и возникла реальная опасность, что будет крушение поезда. И тогда я впервые увидел, что значит арестантская солидарность. А так как на этап в тюрьме начали собирать с пяти утра, а потом привратка, где этапников тщательно обыскивали, затем поездка в переполненном автозаке и жёсткая, под свирепый лай голодный овчарок и такой же лай солдат и офицеров, пересадка в Столыпин, то, конечно, новизна впечатлений – как первый прыжок с парашютом. Потом война с солдатами, беспредельничавшими в «Столыпине». По этой причине я жаждал сна для восстановления организма. И только я настроился поспать, отодвинув очень вежливо, как мне показалось, мужика, который что-то недовольно бурчал сам себе под нос, отодвигаясь от стены (я выбрал это место по одной причине: чтобы с двух сторон хотя бы спящие не поджимали), но опять поспать не получилось.

Ко всем, кто был с нашего этапа, подошла очень шустрая и наглая тройца зеков, заставляя развязывать торбы, сидора и мешки. И самое интересное в этом аттракционе было то, что они забирали всё, что им приглянулось, то есть понравилось. Дошла очередь и до меня. Хотя я по своей натуре мешочником не был, но у меня он оказался, как у вьючного верблюда. Любимая сестрёнка имела отличные возможности и от огромного желания давала взятку приёмщицам передач, и поэтому они позволяли передавать больше положенного по закону. Так же в игре в карты мне всегда везло.

– Развязывай! – приказал один из них. Глаза у него выпирали из глазниц, и поэтому я ему ответил в таком ключе:

– Лупоглазый, нищим не подаю! – оказалось, у него была такая кличка. Он растерялся и обратился к авторитетам, которые вальяжно сидели за столом:

– Бродяги, тут недовольный есть.

– Подойди, пацан, – позвали они. Я немного возмущился от такого этикета, но решил попридержать свою лихую тройку (я имею в виду гордыню) и подошёл к столу. Со спины ко мне подошли двое, среди них и шестёрка-лупоглазый. Такое передвижение меня насторожило. Стоящие сзади всегда вызвали во мне сильное опасение.

– Пацан, – начал наезд один из них, сидящий во главе стола. О том, что это был наезд, я понял по тону, как это было сказано. – Давай базарить по понятиям.

У меня был хорошо отработан удар, и я нанёс его стояще-

му сзади лупоглазому в голову, и тот свалился на пол.

– Да, пацан (я постарался передать его тон), давай побазарим по понятиям. Лупоглазый, который отдыхает на полу, уже получил за конкретные свои поступки. Во-первых, по чужим мешкам рылся, как беспредельщик. Во-вторых, разговаривать надо, глядя глаза в глаза, а не подкрадываться сзади.

– Братан, ты успокойся, никто тебе ничего не предъявляет, – совсем другим тоном продолжил этот парень и сразу же предложил присесть за стол. Я подумал, что демонстраций достаточно, и решил пообщаться с ними.

– Откуда, земляк? – стал выказывать уважение, как я понял, лидер этой тусовки.

– Из Перми, – ответил я серьёзно, уже не пытаюсь копировать интонацию его голоса.

– Сколько срока везёшь на зону? – И на этот вопрос я ответил:

– Под завязку, пятнадцать лет.

– Да, прилично, – прокомментировал мой ответ земляк, и назвался: – А меня зовут Седой, а это мои подельники, – показал рукой на сидящих рядом с ним за столом. – Мы в зоне раскрутились: козла-завхоза зарезали. А сейчас ждём этапа на тюремный режим, в крытую. А насчёт сбора барахла и продуктов – это на общак. По соседству бур – «Белый лебедь», а там братва голодает. Там козлотня ссученная лютой беспредел устроила. А у нас к бродягам есть дорога.

– Седой, ситуация понятная, и мы поможем бедолагам. Однако мой совет на будущее: сначала обрисуйте сложившееся положение. А то выглядит махновщиной с вашей стороны.

Так я впервые услышал о «Белом лебеде», с которым через год с небольшим пришлось познакомиться лично. Ещё короткий переезд на автозаке и ночь на пересылке. На зоне особого режима в посёлке Сим, который все зеки называли «кровавый Сим». Я, конечно, очень любопытный и выяснил, что в какие-то не очень древние времена «полосатые» (так очень часто называют зеков с особого режима) на зоне взбунтовались. Подавили этот мятеж внутренние войска стрельбой из пулемётов и автоматов. Очень много зеков было расстреляно, и даже протекающая через биржу река Сим была вся в крови. Биржа – это промышленная зона, в которой работают осужденные. На пересылке в Симе условия были категории люкс – деревянный пол. Сквозь щели в полу, как Луи Армстронг на трубе (впрочем, он больше на саксофоне наяривал), задувал ледяной ветер. Видимо, из-за этого ветерка я простыл. Поэтому на зону усиленного режима Большой Сом, по названию расположенного рядом посёлка, до которой было около тридцати километров, нас привезли автозаком. И после обязательного карантина на распределении в кабинете у начальника стояла моя тень и покачивалась от слабости, как камыш, из стороны в сторону.

Уголовное дело было большим и, соответственно этому,

толстым. А вид у меня разительно не соответствовал ни первому, ни второму: был невыразительным, жалким, пришибленным, и я стоял, как побитый пёс (почему как?) перед хозяином. Он критически осмотрел меня с головы до ног. В зубы не стал заглядывать, как делали на невольничьем рынке – хоть этим утешил мою гордость. После осмотра спросил:

– Крикунов, как ты смотришь на работу?

– С огромной радостью. Труд – это счастье! – ответил я.

– Тогда в ремзвено. Будешь в зоне работать!

– Я на биржу хочу.

– Не валяй дурака: будешь работать там, где я скажу. А зимой, может быть, выпустим на биржу. Тебя нужно сначала изучить.

– Что я, земноводное, чтобы меня изучать?

– Такой порядок, парень, и не кипятись, как самовар. –

Он закрыл дело. Я сделал низкий поклон и вышел на свежий воздух. На полянке, на которой была изумрудная травка, загорал мой знакомый и поджидал меня. Мы с ним после суда просидели в тюрьме в одной камере около двух месяцев. Меня в неё перевели после избиения и карцера. Он был молодой парнишка, всего 20 лет. Имел вторую судимость. На «химии» убил двоих, тоже осуждённых к стройкам народного хозяйства. И имел тоже 15 лет усиленного режима. По делу, если разобраться, то он убил их непреднамеренно. Они у него забрали в комнате документы и не отдавали. Он выпрашивал, чтобы отдали, но бесполезно. А потом они вме-

сте в парке пили (я уж не помню, по какому поводу), и он снова попросил их отдать. «Подожди. Отдадим», – обнадёжили его. Но злость его перехлестнула через край, и он начал их избивать. Когда они свалились, он ещё немного попинал и ушёл в общежитие. Был в душе удовлетворённый, что отомстил и, конечно, не предвидел, что один умер там же в парке, а второй через несколько часов в больнице. Вот такая простая история и такой жестокий финал.

Из этой истории я сделал вывод, что пить нужно умеренно или совсем не пить. А бить ногами нужно только в крайнем случае, когда жизнь находится в опасности, но лучше совсем не бить и даже кулаками. Стараться обходить острые углы и больше действовать словами и убеждением. В камере я был лидером, и его я сначала не замечал. Раз или два поговорил и оставил без внимания, так как поучиться у него мне было нечему. Потом он совершил проступок, по тюремным меркам, очень серьёзный.

У нас был «общак». Всё делили поровну: тебе половина и мне половина, тебе кус и мне кус. Независимо от того, кому приносили передачи. Многим не носили – не сидеть же им голодным по углам? Он больше месяца питался со всеми на равных, а в мешке было печенье и пряники – всего с килограмм или два. Обнаружили чисто случайно весь кулёк с крошками этого несчастного месива. В воздухе установилась гнетущая тишина: будут бить долго и, возможно, ногами. Такой молодой, такой цветущий – кровь с молоком,

а уже с червоточинкой. Где же прогнать успел? Неужели на «химии»? Я оценил ситуацию чётко. Мне стало его жалко. Представил, как будут ожесточённо пинать, и решил предотвратить расправу. Вышел в центр камеры и приказал:

– Иди сюда! – Он подошёл и встал понуро, потом выдавил из себя:

– Виктор, по голове не бей: она у меня болит. – Сломать человека легко, тем более что он чувствует себя виноватым, а вот создать человека трудно, и поэтому я его спросил:

– Ты хоть понимаешь, что сделал подлость?

– Понимаю.

– Считаешь, что заслужил наказание?

– Да, считаю. – Тогда я ударил ребром ладони по шее, по сонной артерии, вполсилы. Он пошатнулся в обмороке и стал падать. Я тут же его подхватил. Он пришёл в себя. В этот момент на него, как стая волков, кинулись остальные.

– Стоять! – рявкнул я. – Он уже своё получил. – Всегда наказание нужно смягчать. Больше прока будет. А через несколько минут он подошёл и спросил:

– Что делать?

– Скажи всем, что больше такого не повторится: этому учат, начиная с детского сада, или ты в детский садик не ходил?

Он попросил прощения у всех, и его оставили в коллективе, а ведь у многих было желание его избить и «опустить». По первой ходке очень многие корчат из себя прожжён-

ных типов с садистскими наклонностями. «Рисуются» – так мы называем эту установку на поведение. Я тоже рисовался, но был справедливым без рисовок, и в моей камере не было «прописок», которые унижали бы достоинство, и издевательств. Вы бы знали, как он обрадовался, когда через несколько дней под утро с металлическим звуком открылась «кормушка» и контролёр объявил:

– Крикунов и Заборских, с вещами на этап.

– Виктор, скорее всего, на одну зону попадём, – радостно констатировал он.

– Ещё неизвестно, – теряясь в предположениях, ответил я.

Попали на одну зону и даже в одну бригаду – в ремзвено. Работа по жилой зоне. То разгружали чурки для бани и кочегарки, то требовалось что-то подремонтировать. Работа простая и по человеческим меркам нормальная. А вот по понятиям, сложившимся в уголовном мире, эта работа вызвала презрительное, уничижительное отношение. Следовательно, это отношение может перейти и на личности. Всё зависит от того, сможешь ли доказать, что ты и один в поле воин. Есть в психологии, уважаемые читатели, такой термин «террор среды»: когда все делают одинаковое, тождественное и похожее, то очень трудно делать и совершать поступки, противоположные общепринятым. Сразу же в этом случае попадаешь в разряд отверженных, превращаешься в белую ворону. Стадное чувство очень хорошо развито в людях, а чем ниже уровень развития, тем оно сильнее.

Я, конечно, не видел в этой работе того, что видели остальные. Для меня это была работа как работа, но я ошибался. Первая ласточка – предвестница моего заблуждения – прилетела в первый же день: один из зеков, «ветеран», отсидевший уже 11 лет, презрительно послал меня в известном направлении. Я хоть и был больной, но самолюбие затрепыхалось в возмущении.

– За слова, парень, придётся ответить. Пошли выйдем из секции. – Он пошёл. А когда я оглянулся, то увидел его с молотком печника. «Что за напасть? Одни молотки кругом», – грустно констатировал я и сказал:

– Я тебе не советую драться с молотком, лучше тебе его положить. А тебя я и с ним уделаю. – Я был уверен в себе, и это проявилось в интонации голоса. Он быстро удалился в секцию и долго не выходил. Мне стало аж невтерпёж, я зашёл следом за ним. Оказывается, он создал тройственный союз. «Час от часу не легче», – мелькнуло у меня.

– Что же ты убежал? – решил я призвать его к ответу за слова. После этих слов здоровый бугай схватил меня клешней за грудь. И тут же оказался под двухъярусными кроватями. Такое начало их обескуражило. А после того, как я и второго запустил, как ракету, воинственный пыл у них поостыл. Мы, конечно, ещё немного повозились для приличия. Я очень быстро выдохся, т. к. задыхался в эти дни даже от ходьбы. И, вероятно, от этого злости не было, а они перепугались и поняли абсолютно точно, что с адресом серьёзно

ошиблись.

Я ушёл после баталии с разорванной дерюгой, хотя там «милюстин» считался на уровне мировых стандартов. На лбу была ссадина. Вот и все мои награды. Зато сердце от перегрузки готово было выпрыгнуть из груди, как пробка из бутылки шампанского. «Вот чёрт, как же я буду бежать?» А я уже давно мечтал об этом, особенно после жестокого урока, преподанного в тюрьме ментами. Кстати, уроков по воспитанию в духе коммунизма там было очень много, я просто не стал все их описывать. Да и этим описанием, как вы понимаете, я нарушил стройность избранной темы. Но утешаю себя тем, что выявляю остальные причины моего первого побега, и тогда легче вам будет понять главное. Через несколько дней я ещё раз подрался. Авторитет стал расти, как на дрожжах. Меня уже частенько приглашали в гости к лидерам на зоне. Которые на моё сетование по поводу работы искренне убеждали и утешали, что моё безвыходное положение им понятно и зимой они возьмут меня в свою бригаду.

Оказывается, я думал, что приехал в незнакомое место, – место действительно было новое и незнакомое, а вот моя личность им была знакома. Многие знали меня заочно, о нас ходили всевозможные легенды, да и своим поведением в тюрьме – а я воевал за справедливость и за соблюдение элементарных норм – я снискал славу и известность. Также были и такие, которые сидели со мной определённое время в камере. От них, как ни странно, я увидел знаки внимания и

благодарности. Видите: на добрые дела люди отвечают только добром. Мне было приятно такое внимание. Но я не забывал главного, что это не жизнь, а каторга, и каждый день готовил себя и восстанавливал свой организм. Разгружал с Виктором чурки, потом их раскалывали колунами и складывали – это была отличная физическая подготовка для больного и разбитого организма. Да ещё в больницу ходил каждый вечер. На одно ухо даже стал слышать. Сбил температуру тела до нормальной. По вечерам боролся с товарищем на полянке. Он всё хотел освоить приёмы борьбы, чтобы в следующий раз не пинать. На нас зрителей собиралось много. У окон да и так, по сторонам любопытных было хоть отбавляй. Всех удивляла моя способность с необыкновенной лёгкостью бросать на траву соперника. Вот что значит не представлять наглядно такой вид спорта, как борьба самбо и дзюдо.

Через две недели положение обострилось до критического. Раздумывать и подготавливать организм уже было нельзя. По нескольким причинам. Самая обыкновенная – это чисто техническая. Побег мы хотели совершить через запретную зону, на рывок. Там была такая узенькая лазейка. Как раз проводили замену забора. Разбирали и сколачивали новый. Да и систему сигнализации меняли на «Кактус-2». И всегда оставался промежуток незаколоченного пространства. Мы сначала по наивности думали проскочить в эту щель ночью, когда будет сильный туман. Ждали, попеременно не спали

ночами.

В одну из ночей Витька меня толкнул в бок. «Пора, идём», – прошептал он. Я спрыгнул, и мы на цыпочках вышли из барака. Ночь была прохладная, туман стоял, как парное молоко, белый и такой плотный и осязаемый. Подползли к запретке. И вдруг в проём прыгнула овчарка и забежала по взрыхлённой полосе, а следом солдат с автоматом. Мы вжались в землю, а когда они, как фантомы, растворились в тумане за трёхметровым дощатым забором, мы отползли, напуганные возможными последствиями. До этого мой товарищ рыл подкоп, но здесь нас тоже постигла неудача. Его «запалил» один из осуждённых, которого Витька припугнул: «Смотри, сдашь – не жить!». – «Да что ты, мне до свободы осталось 3 месяца». Я после этого ему запретил соваться под барак. А мне самому приставили с первого дня «хвост» – председателя СВП (секция внутреннего порядка), который ходил за мной как тень, и стоило мне потеряться на полчаса – он бегал в поисках, словно ищейка. Вот это было самое худшее наказание, а бить я его первые дни воздерживался: посадят в изолятор, и прощай, свобода, так как забор уже и с третьей стороны подходил к концу.

С четвёртой направление было в сторону посёлка, а так как туда солдатам стрелять было запрещено (могли пострадать от автоматных пуль жители посёлка), то там были клубы путанки – это тонкая стальная проволока. Была она шириной по всему периметру забора, высотой около пяти мет-

ров и в глубину до десяти, к сожалению, всё тех же метров, а не дюймов. Нырнуть в неё мог бы только сумасшедший или смертник. Этот нестандартный капканчик любому желающему мог бы отрезать руку, ногу или голову, и желающий свободы продолжал бы скакать по ней к лесу, как всадник без головы. И поэтому я её не рассматривал даже как один шанс из тысячи.

Работающим заключённым на запретной зоне до непреодолимого участка оставалось работать всего пару дней. Значит, нужно рисковать. Здоровье оставляло желать лучшего, но свобода не могла ждать. К тому же в последний день, с утра, в секции был шмон. Прапорщик выбросил на пол пайку хлеба и сахарный песок. До этого я с невозмутимым видом наблюдал за ним и помогающими ему солдатами. Но на этот поступок вспыхнул, как спичка: зачем же на пол кидать? Я никак не мог этого постичь, так как мать меня в детстве приучила относиться к хлебу, как к святому. А здесь такое похабное отношение. Прапорщик двинулся ко мне, чтобы заняться перевоспитанием моих понятий. Если он думал этим напугать, то заблуждался. Я в тот миг забыл о своих планах и, ожидая его, встал в стойку, готовясь отразить нападение. Он по моему лицу понял, что сопротивление будет, и ретировался с двумя солдатами из барака, при этом, уходя, прошипел, как змея: «Мы тебя ещё переломаем. Подожди, тварь, доберёмся». «Сколько яда», – подумал я про себя. Вышел и обсудил с Витькой международную обстановку. Он успел

найти ещё желающего на авантюру. Мы познакомились. Звали тоже Виктором.

– Риск огромный, – предупредил я.

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Резонно, – подтвердил я.

Рванули мы лихо, но это эпопея для другого рассказа, а может, повести. А кратко выглядело так: автоматчики растерялись. Молодые, салаги, только призвались – определил я. Автомат наводил им страха больше, чем нам. Мой молодой товарищ Витька Заборских испугался стрельбы и вернулся в зону. А другой оказался бесстрашным, как я или как камикадзе, и бежал за мной под пулями, даже не вилял из стороны в сторону. Прошёл армейскую подготовку, а так быстро забыл военную науку. До леса от запретной зоны 25–30 метров.

Погоня началась сразу же. Первых солдат я увидел метрах в семидесяти. Один закричал:

– Серёга, собаку давай, я их вижу.

Ну и что, что видишь, – попробуй поймать. От солдат и от собак я применил несколько способов сбивки со следа. И мы ушли в тайгу. За два месяца прошли по тайге больше тысячи километров. Для чего я всё так подробно описываю? Чтобы показать реальность в чистом виде, без бутафории и налёта пропаганды. А теперь кратко основные причины побега.

1. Несправедливое, чудовищное осуждение.

2. Условия содержания в тюрьме и в колонии: бесчеловеч-

ность, беспредел, кошмарные унижения

а) в физическом плане;

б) в бытовом отношении;

в) в моральном и психологическом.

Забирали записи. Сожгли мой роман «Великий поход», а я в него вкладывал душу.

Если после всего этого вы будете говорить, что надо было отсидеть срок наказания, а потом апеллировать к суду, добиваться пересмотра, то я на это отвечу: не стройте из меня идиота. С установкой, привитой уличным воспитанием, я бы не смог сдержаться и начал бы другую эпопею – раскрутки, избиение ментов, а может, даже убийства, т. к. они своим беспределом и беззаконием достают до самых печёнок. И расстрел был бы моим финалом.

Это обобщённый анализ возможного будущего. А в настоящем получилось красивее. После двух месяцев, проведённых в тайге в экстремальных условиях, мы чудом спаслись от облав, засад, постов. От всех двуногих тварей, от зверей, а также не утонули в реках и болотах. Много было приключений, но через два месяца эти прекрасные мгновения оборвались. Нас задержала группа захвата. За это время мы прошли по северной уральской тайге больше тысячи километров. Снова следствие и суд.

И вот, как финал этого забега, мы оказались на строгом режиме. У меня снова 15 лет. Год испытаний из жизни был вычеркнут. Я думал, что я вкусил от запретного яблока са-

мых горьких плодов. А оказалось, что это был зрелый виноград.

Когда меня привезли на Пильву, советский офицер внутренних войск сразу же предупредил:

– Ты у нас не побегаешь, мы тебе создадим сайгоновский режим.

«Может, он выполнял спецзадание в Сайгоне и знает, как этот режим выглядит? – с интересом уставился я на него, – во, гусь?! А теперь в такой глуши работает с инструкциями от центра». Но шутки шутками, а я этот режим запомнил на всю жизнь. Но когда он мне так категорически заявил, то я в тот момент про себя думал дебильно, как букварь: какие глупости он говорит. Я не буду режим содержания нарушать. А оказывается, этого от меня совсем не требуется: нарушать, не нарушать— какие иллюзии и заблуждения!

Липовые постановления (благо этой липы в нашем государстве сверхизбыточное количество) фабриковались элементарно, и началась у меня райская жизнь. Только ангелочков и херувимов я не видел, хотя мой дух несколько раз покидал моё брренное, моё тленное тело.

Прекрасное состояние! Незабываемое!

А теперь, уважаемые, я кратко опишу для примера эту липу, чтобы представляли, как эта порода выглядит.

1. Первое постановление в «кондей» – штрафной изолятор – отпечатали на 15 суток (дословно): «Смотрел на вышки. Наблюдал за часовыми. Готовился к побегу». Разберём

ситуацию: на зоне по углам четыре вышки с автоматчиками. Зона 200 м на 200 м. Пятая вышка на воротах, при выезде из зоны. Мне, наверное, нужно было ходить, опустив голову в землю?

2. Однофамилец (Крикунов) работал на лесобирже. С моим приездом на зону всех офицеров и прапорщиков строго-настрого предупредили: смотрите за ним в оба, то есть за мной. Майор Мустафин делал развод на работу по пять человек и увидел его: «Встань в сторону». Тот не понимал причины, начал возмущаться. «Сейчас я тебе объясню», – с угрозой начал майор. Тот, конечно, ждать не стал, а ушёл в барак. Прибежали в барак и меня утянули на 15 суток. За попытку выйти на биржу. Я сидел в штрафном изоляторе. Возмущался, бушевал, колотил в решётку. Требовал этого майора. Посмотреть хоть на него. Когда через полмесяца я вышел, значительно похудевший, то первым делом пошёл познакомиться с этим негодяем.

– Ты, что ли, майор Мустафин? – начал я с ним разговор на повышенных тонах. Он опешил от такой наглости и с недоумением спросил:

– Чего тебе, парень, надо? Ты что, с цепи сорвался?

– Я по твоей милости полмесяца в шизо отмучился, а ты ещё спрашиваешь, почему я возмущаюсь.

– Не понял, – выпучив свои голубые, чистые, как небо в безоблачную погоду, глаза, переспросил он.

– А кто рапорт на Крикунова написал за попытку выхода

на биржу?

– Я!

– Так вот кого ты тормознул у ворот? Меня что ли?

– Да я тебя первый раз в глаза вижу.

– Вот и я тебя хоть бы ещё 100 лет не видел! – мой гнев требовал выхода, и я был переполнен, как вулкан перед извержением.

– К хозяину пойдём. Аннулируем это нарушение, – требовал я восстановления справедливости.

– Извини, парень. Это бесполезно.

После этого инцидента майор Мустафин стал меня уважать. И когда я зачастил по изоляторам, он после выхода из очередных полумесячных испытаний на прочность спрашивал в столовой, когда был ДИНК (дежурный помощник начальника колонии):

– Ну что, Крикунов, как дела?

– Отлично, майор!

– Сколько дней, как из шизо?

– Да третий день всего, – обычно на 3-й или 4-й день у нас происходил такой разговор.

– Пора тебе в санаторий.

– Зачем же торопиться, – отвечал я, – я туда не спешу

– Почему в тапочках в столовую? – Я оглянулся. Все вокруг были в тапочках.

– Как все, так и я, – ответил спокойно. – Чем я хуже других?

– Вот, дружок, то-то и оно, что ты не хуже, ты у нас избранный объект и должен быть образцом и эталоном для всех осуждённых, – с юмором, улыбаясь и светлея своими красивыми, безоблачными глазами, выдавал он мне как аванс:

– Готовься в профилакторий. За тапочки полмесяца.

Я сидел в изоляторе. Психовал. Во-первых, голод. Во-вторых, холод. Давали на печку (было печное отопление) 2 кг дров. Можно представить, что грелись только кипятком (1 кружка утром, одна в обед и одна вечером) и движением. Кроме голода и холода, темно, как в норе. 40 Вт лампочка вставлена была в отверстие для отдушины, и свет фактически в камеру не попадал. Сидели в темноте. Ничего постороннего в камере. Курить нельзя, чифирить нельзя. Если неофициально передавали (это называют у осужденных «подогревать»), что соответствует по смыслу и значению буквально, т. к. любая кроха внимания и заботы для души и для тела возрастала на вес золота), то при шмоне, если найдут, следовала добавка и продление этого удовольствия – кротового существования.

Кто-нибудь из прапорщиков унюхал дым. «Опять курите?» – все молчат, т. к. курица не было, а насобирали в щелях какие-то табачинки и занимались самообманом: пускали дым и закручивали в бумагу даже от веника соломку. Что только не изобретают от желания покурить! Я не курил и на такие вещи смотрел, как на заскоки психики, но сочувствовал. А так как зрение было отличное, то иногда даже помогал

в поисках окурков и табачинок. Несколько раз мне продлевали срок изолятора из-за дыма. «Да я не курю!» – «Какая разница?»»

Каждые сутки казались вечным проклятием. Первое время мне было очень тяжело, т. к. организм не хотел перестраиваться на такой скудный режим питания. Там не выдавали даже положенного по закону. И это было так везде. Но затем я решил, что раз в мою гриву вцепились эти мрази, то надо перестраивать психику. И я по 12 часов в изоляторе ходил из угла в угол, а остальные валялись на полу. Кроме того, я отжимался, и приседал, и делал шпагаты. Все недоумевали: побереги калории. Не гоняй ветер! – пытались меня образумить. А я про себя думал и представлял: я прохожу спецподготовку, принятую на вооружении у «зелёных беретов». Только там закидывают в дерьмо и заставляют его глотать и им дышать и возводят такое обучение в ранг доблести. Значит, и я прохожу такую подготовку на выживание. Если они думают, что наказывают меня, то ошибаются: я прохожу закаливание и тренировку тела. И таким беспределом эти подлые воспитывают во мне камикадзе. Жалел только, что я не мог писать и записывать стихи, которые иногда сочинял на ходу.

Очень часто меня просили, чтобы я рассказал о прошлых похождениях: «Витька, ну чего тебе стоит, расскажи, не ломайся, ты так интересно шпаришь!» Когда у меня было настроение и даже когда не было, я поднимал свой жизненный тонус и приободрял окружающих. Старался вселить в них

оптимизм и радость. Старался расшевелить. Заставлял двигаться и не унывать. Получалось так, что когда меня приводили в изолятор, то из камер кричали:

– Кого привели?

– Крикунова.

– Братан, иди к нам.

– Крикун, лучше к нам, – начинали меня уговаривать штрафники. Я говорил:

– Командир, давай в эту.

– Она переполнена.

– В тесноте, да не в обиде. Сади, иначе кипишь устрою. – Лязгали затворы металлических замков, и я под радостные возгласы попадал к бродягам.

– Братан, давай историю за побег. – Она у меня на два-три дня длительностью. После просили: давай за Курилы; давай за спорт; расскажи за Таманцева – в августе 44-го. Я её рассказывал почти дословно. Кроме лишних вещей. Больше и подробнее – за взятие Павловского и группы Мищенко. Вот устное творчество приобретало допинг и силу для стойкости и поддержки духа. Лишали фактически всего, но не могли сломить Дух.

Вши, мокрицы, тараканы, мыши и крысы, которые становились ручными. Правда, пауки ни в какую не поддавались дрессировке, хотя у Мазера де Латюда, узника Бастилии, даже и они становились ручными. Вот вкратце занятия в изоляторе. Конечно, надо добавить, чтобы картина была объектив-

ной: разборки частенько происходили. Бьют и издеваются, если заслужил. Играют в карты. Некоторые глотают сонники, чтобы отключиться на эти тягостные и мучительные дни, чтобы в сонном состоянии не чувствовать кошмаров этой системы. Я считал такое отключение слабостью и никогда не применял сонников. Жизнь нельзя сознательно укорачивать. Она даже в клетке имеет ценность, и нужно развиваться, а не находиться в стадии эмбриона или в одноклеточном состоянии.

Когда на этот раз вышел из зиндана, то солнце светило всюду. Весна-красавица пришла. «Травка зеленеет, солнышко блестит. Ласточка с весною в сени к нам летит», – школьное стихотворение пришло на ум. Как здорово! – вдохнул я полной грудью свежий воздух и запах елей и пихты после полумесячного вдыхания испражнений, гнили, пота, дыма, а там и в туалет ходили в парашу, и она стоит в углу, пока не наполняется до краёв и издаёт аромат, как букет роз, – вот после этого мне показалось за счастье смотреть на солнце и вдыхать густой, как сметана, запах леса, травы и запах свободы.

– Чего ты встал! Вали давай в барак, – недовольно командовал прапорщик. На лице ярко выделялись усики, благодаря которым я его окрестил: Пётр Первый.

Я пришёл в барак, все заключённые были на бирже. Бросился смотреть в тумбочке почту. Есть письмо от сестры с фотографией – как здорово! Я долго и неотрывно смотрел на

фото любимой сестры. «Сестрёнка, радость моя, ничего, я выдержу всё», – телепатически пытался транслировать свою уверенность. Я ощущал, что наша семья связана невидимыми духовными нитями. Потом прочитал письмо. Вести были неутешительные. Адвокаты не берутся за это дело. Уверяют, что бесполезно. Броня непробиваемая! Кто ж выдумал эту бюрократическую машину? Где же люди? Неужели кругом одни крысы? Я пошёл в баню, побрился от щетины. В изоляторе даже нельзя умываться, т. к. воды для этого не дают. Почистил зубы. Постирал шмотки. Надо в прожарку отдать, от вшей хоть избавиться, а то заедят твари. И вышел из бани, как будто заново родился.

Сколько можно рождаться? – спрашивал я себя. До каких пор терпеть беспредел этих дебилов. Эти дегенераты с одной извилиной хотят тебя сломать и уничтожить как личность, а ты ждёшь справедливости. От кого? Философия философией, но мне начинало всё надоедать. Снова посадили в изолятор. (Я нарушил всю последовательность, но не обращайтесь на это внимания.)

Один раз сажали за то, что перед построением на проверку я для того, чтобы согреться, забежал на невысокую снежную горку и сбегал с неё. «Тренировался с целью побега», – было написано в постановлении, но это было зимой. «А на дворе хорошая погода, в окошко светит месяц голубой, а мне сидеть...» – нет, не четыре года, как в песне поётся, а 14 лет, и если у того заключённого душа болела и рвалась домой, то

у меня даже нет слов, что творилось с моей душой. За что? Хоть бы знал, что за дело казнят живого, закапывают в эту могилу, то было бы понятно и простительно. Но за то, что не совершал, как за это терпеть? Нет, нельзя!

У меня из-за частых голодовок в изоляторе и потом переедания однажды схватило живот. Я в трусах вышел в туалет. Туалет был недалеко от барака. Кто-то за мной следил, и, когда я возвращался, меня уже ждали контролёры.

– Пошли, Крикунов, одевайся.

– Идите вы к чёрту, – психанул я. – Что, по-вашему, мне в утку или в горшок ходить? – Я своим разумом не мог постичь этого абсурда и до сих пор не могу понять эти несуразности. За выход ночью в туалет мне дали 15 суток.

Следующий номер мне забронировали в люксе за то, что опоздал на отметку (как склонный к побегу, я должен был отмечаться через каждые два часа, начиная с 6 утра до отбоя). А ночью приходили, светили в лицо фонариком, и если спал, укрывшись с головой от комаров, то будили. Стаскивали одеяло. Или поворачивался на другой бок – тоже не церемонились. Конечно, после таких посещений я не высыпался. И стоило мне утром проспять и опоздать на 15 минут, то снова 15, но уже суток штрафного изолятора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.